

Gurvic

✓

-Lis

✓

с

✓

iner, Sof'ja D.

Драгоценная память человечества

Opera Slavica. 2002, vol. 12, iss. 3, pp. 1-8

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/117722>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ДРАГОЦЕННАЯ ПАМЯТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

С. Гурвич-Лицинер (Тель-Авив)

В конце 1998 г. московская научная и читательская общественность отмечала знаменательную дату – пятидесятилетие издания Академией наук СССР (затем Российской АН) серии книг *Литературные памятники*. К этому времени был приурочен ее редколлегией выпуск еще одной уникальной книжки – *Аннотированного каталога* неумоимо продолжаемой серии¹. Думается, трудно более выразительно и ёмко представить на рубеже тысячелетия итоги полувековой работы около 400 российских исследователей высочайшей квалификации – текстологов и комментаторов, переводчиков и теоретиков литературы – в общем, филологов разных профессиональных специализаций и предпочтений, а зачастую также историков и философов, работы, целью которой было и остается – неуклонно, вопреки всем превратностям исторического пути страны, расширять и углублять круг представлений российского (и шире – владеющего русским языком) читателя разных стран о классических богатствах мировой художественной культуры.

Когда-то Герцен, озабоченный «иконоборческими» тенденциями в пропаганде М. А. Бакунина (развернутой им, в союзе с С. Г. Нечаевым, с весны 1869 г.), предостерегал в предсмертном цикле писем *К старому товарищу* деятелей освободительно-демократического движения от серьезнейшей опасности, заключенной в манипулировании инстинктами массы, в «разнуздывании дурных страстей»: «с капиталом» буржуа и банкиров может погибнуть «другой капитал», «в котором оседала личность и творчество разных времен, в котором сама собой наслонилась летопись людской жизни и скристаллизовалась история <...> Разгулявшаяся сила истребления уничтожит <...> и те пределы сил человеческих, до которых люди достигали во всех направлениях... с начала цивилизации». «Но этого не будет», – отвергает он подобную трагическую перспективу. В тревожных думках, многоадресных заочных диалогах (и мысленных

¹ *Литературные памятники. 1948-1998. Аннотированный каталог.* (Изд. подготовили Т. Г. Анохина, М. Л. Гаспаров, А. Л. Гришунин, А. Д. Михайлов, И. Г. Птушкина; отв. редакторы А. Д. Михайлов, И. Г. Птушкина.). Москва, Наука, 1998. – 380 с.; илл., портр.; 2000 экз. Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

автодиалогах) о наличных программах «общественного пересоздания», «нетерпеливые» авторы которых готовы начать «переворот» «с выжигания дотла всего исторического поля», опорой мыслителя-гуманиста и подлинного демократа остается твердое убеждение в неистребимости самих творческих потенций людей. Он уверен в «органической» силе их высших, «предельных» устремлений, созидающих красоту, поэзию, духовную культуру. У человечества есть «драгоценности», «которыми оно не поступится и которые у него из рук может вырвать одно деспотическое насилие, и то на минуту горячки и катаклизма»².

Эти общие исторические прогнозы, апеллирующие «с того берега» к «абстрактной» природе человека, казалось бы, весьма далеки в пространстве и времени от неброской реальной картины кропотливой, будничной (занимающей подчас десятилетия) работы ученых-гуманитариев над уточнением текстов, или более адекватным переводом, или раскрытием истинного поэтического своеобразия памятников творческого духа, принадлежащих разным эпохам и народам. – Той картины, которая встает воочию со страниц названного Каталога.

Но это лишь поверхностное впечатление, постепенно изменяющееся на противоположное. Вчитываясь в академически обстоятельное *Предисловие*³, которое повествует о «биографии» серии, о процессе выработки редакцией принципов отбора книг и обосновании их широкого жанрового спектра, о неукоснительных требованиях, предъявляемых к научности публикации каждого произведения, к обязательным новациям в прочтениях текстов или их трактовке; о специфике состава и особых проблемах, характерных для разных разделов серии, – соответственно географическим ареалам мировой литературы и историческим периодам ее развития. Затем, листая страницы самого Каталога, щедро иллюстрированные фотоизображениями титульных листов вышедших произведений, суперобложек с портретами авторов, останавливаешь взгляд на лаконичных и нейтральных по тону аннотациях к знакомым книжкам (отражающих, между тем, подчас драматическую историю их появления) или на совсем уж бесстрастных – добавим, исключительно полных – библиографических описаниях каждого из изданий (составлены Т. Г. Анохиной), куда входят и перечни разделов книги, с обозначением их исполнителей, и списки рецензий на ее выход. – И всё неотступнее эти внешне

² А. И. Герцен. *Собрание сочинений в 30 тт., т. XX*. Москва, Изд. АН СССР, 1960, с. 592-593, 589, 581.

³ См. с. 7-58. Написано членами редакционной коллегии серии М. Л. Гаспаровым, А. Л. Гришуниным, А. Д. Михайловым, И. Г. Пгушкиной (как и аннотации в описаниях отдельных памятников).

спокойные, фактологически-объективные справочные страницы сопрягаются с пламенными прозрениями Герцена в будущее, с его надеждой на неуничтожимость порывов свободного человеческого духа и величие создаваемых им ценностей. Ибо перед нами книжка, отразившая мужество и упорство людей культуры, не подвластное, в конечном счете, «деспотическому насилию».

Приведем несколько примеров успешного (подчас посмертно) преодоления исследователями-составителями и редколлекгией серии – преград, чинимых «насилием». Эти эпизоды, представленные в Каталоге в подобающе беспристрастном тоне, несут в себе заряд разнообразных эмоций – в зависимости от характера помех и препятствий, возводимых произволом: от мелочных цензурных придирок к книге до реальной угрозы жизни переводчика. Примером первого рода может служить неожиданный отказ цензора Главлита подписать к печати в 1950 г. вторую корректуру *Посланий Ивана Грозного*, ввиду «недооценки прогрессивного войска опричников» в сопровождавшей текст статье Я. С. Лурье (эта «прогрессивность» была незадолго до того «открыта» в постановлении ЦК, осуждавшем за подобную «недооценку» фильм С. Эйзенштейна *Иван Грозный*). Введением заветной формулы и соответствующей ссылки – после «контрольного рецензирования» – уникальная работа многих лет была спасена, и дело ограничилось тогда задержкой выхода книжки на несколько месяцев, – а теперь презрительной улыбкой читателя *Каталога* по адресу жалкой возни трусов-чиновников от цензуры.

Комическую «закраину» имеет и история выхода книги: В. К. Кюхельбекер. *Путешествие. Дневник, Статьи*. Л., 1979.- 789 с. Это первое почти полное собрание прозы писателя-декабриста готовилось много лет М. Г. Альтшулером и Н. В. Королевой. Уже после набора и корректур решился вопрос о выезде Альтшулера на жительство за рубеж, что в то время исключало «даже упоминание его имени в печати». Чтобы предотвратить угрозу выходу тома, ученый согласился на снятие своего имени из издания. На титульном листе оно было заменено именем В. Д. Рака, подготовившего текст и комментарий одной статьи Кюхельбекера (с. 492-497). Так надзирающее «недрёманное око» было формально усыплено, а работа, потребовавшая многих исследовательских усилий, спасена, – ценой отказа ученого от публичного их признания (тогда казалось, что навсегда: в аннотации указано, что лишь в 90-е годы оба участника «обмана» сочли возможным заявить в печати о действительном авторстве).

Однако совсем не до смеха читателю тогда, когда – не столь уж редко – он встречает в финале аннотации, повествующей о помехах и запретах рукописи, краткое сообщение, что исследователь, составитель или пе-

реводчик «не дождался выхода книги». Так было, к примеру, с романом Ф. Кафки *Замок*. Его перевела и издание для *Литературных памятников* подготовила Р. Я. Райт-Ковалева к началу 1969 г. Когда же дело дошло до *Главлита*, его не устроила трактовка творчества Кафки в статье отв. редактора тома А. В. Гулыги. А редколлегия на замену статьи не пошла. В результате издание вышло лишь в 1990 г. – уже на грани новой эпохи и, увы, за гранью жизни переводчика.

Но еще более резкая эмоция – трагического сарказма – встает за скупыми строками аннотации книги: *Р.-М. Рильке. Новые стихотворения. Новых стихотворений вторая часть*. Москва 1977. Основной корпус книги перевел К. П. Богатырев. Добавлю, уже по личным воспоминаниям, что удивительно проникновенные переводы из Рильке были главным делом жизни талантливого поэта, что стихи немецкого собрата помогали ему сохранять внутреннюю свободу и на лагерной койке, куда он попал еще со студенческой скамьи, и после реабилитации. Он позволял себе не приспособливать собственные взгляды и мнения – друга Сахарова и Пастернака – к изменчивой политической погоде, будь то «оттепель» или новые «заморозки»... И – перехожу вновь к аннотации – «не увидел книгу вышедшей из печати: в начале мая (уточню: 26 апреля) 1976 г. он был смертельно ранен в подъезде собственного дома. Ни одна из версий этого убийства в ходе неторопливого следствия не была ни подтверждена, ни опровергнута»...

В отличие от человека, его книга жива. И, вероятно, не за горами её второе издание. «Культуру, – как писал вслед за Герценом накануне смерти Блок, – убить нельзя». А рассматриваемый Каталог, охватывая многообразие побед творческого деяния над «силами истребления», – из добросовестного перечня изданных за полвека литературных памятников, (наряду с безукоризненным выполнением этой прямой задачи) – превращается и сам в один из памятников, запечатлевших драматизм судеб людей культуры – и их стойкость в защите ее плодов, в заботе об их росте, распространении, вопреки беспощадности официальных структур антикультуры.

Такие размышления возникают у читателя этого, казалось бы, сугубо справочного тома, дополнившего недавно полку *Литературных памятников* и выполненного полиграфически в лучших традициях серии. Основной корпус *Каталога* включает 462 описания изданных за пятьдесят лет (1948-1997) книг (457 – с цифровыми порядковыми обозначениями, и еще 5 имеют в своем номере также литеру «а»: напр., 250а, 436а). Из них около 360 книг, выпущенных в серии, составляют новые (по названиям) издания. Остальные – их переиздания или репринты. Однако, как по-

казывает наглядно *Каталог*, при выпуске вторых, а то и третьих изданий – редколлегия руководствовалась не только потребностями книжного рынка (книги серии пользовались усиленным спросом как специалистов, так и просто образованных читателей). Новые издания чаще всего весомо дополняют предшествующие или исправляют допущенные в них недочеты (ср., к примеру, издания *Размышлений* Марка Аврелия Антонина 1985 и 1993 гг. – №№ 302 и 377, или издания *Опытов* М. Монтеня 1960 и 1979 гг. – №№ 69, 69а, 70 и 245, 246). Кстати, на недочеты или отступления от привычных требований серии в ее отдельных выпусках, как правило, указывается в их описаниях или в общем *Предисловии*. Сообщается самокритично и о такого рода «исправлениях», на какие пришлось пойти редакции во 2-м изд. *Легенды о докторе Фаусте* (1978), из которого были изъяты «тексты в переводах Е. Г. Эткинды» (к этому времени он принужден был эмигрировать, а следовательно – стал не печатаемым и не упоминаемым в печати – см. № 229).

Как и во всех книгах серии, к основному корпусу *Аннотированного каталога* примыкают *Дополнения*. В данном случае его естественно и логически необходимо дополняют биографические справки обо всех членах редакционной коллегии (в разное время их было 42), об их научной деятельности – с акцентом на конкретном участии каждого в трудах по изданию *Литературных памятников*. Ведь это они направляли и координировали, углубляли бескомпромиссной требовательностью и собственными широчайшими познаниями исследовательскую весомость каждого из томов, а нередко, благодаря своему опыту и научному авторитету, выводили ценные книги из-под удара «карающей» направо и налево «десницы». (Надо заметить, что роли в становлении *Литературных памятников* основателей и первых руководителей редколлегии серии – акад. С. И. Вавилова, В. П. Волгина, Н. И. Конрада, уделено специальное внимание и во вступительной статье к Каталогу, равно как тому неоценимому вкладу, который вносила в успехи серии на протяжении всего полувека её существования многогранная и вдохновенная работа акад. Д. С. Лихачева, сначала в качестве текстолога и составителя томов древнерусских памятников, переводчика их на современный русский язык, автора научного комментария, редактора, затем и председателя редколлегии с 1971 г., почетного председателя с 1991, ушедшего от нас только что, уже после юбилея).

Столь же обоснованно присутствует в составе *Дополнений* раздел *Литература о серии*, включающий, с одной стороны, перечень предшествовавших настоящему Каталогу пяти библиографических справочников *Литературные памятники* (М., 1960, 1967, 1973, 1978, 1984),

подготовленных Д. В. Ознобишиным, тогда ученым секретарем серии, с другой – данные о статьях, рецензиях и других откликах в печати» на серию в целом.

Таким образом, перед нами свод выверенных и исчерпывающих библиографических сведений о почти пяти сотнях книг, сам выход которых большей частью становился заметным явлением культуры. Вместе с тем, в совокупности своих разделов и рубрик настоящий Каталог ощущается спокойным и взвешенным, аналитическим и полным достоинства рассказом о пятидесяти годах жизни одного из ведущих звеньев российской филологической науки, сотен ее скромных работников и творцов – под беспрецедентным прессом тоталитарного государства. За академически-беспафосной и тем более убедительной манерой этого рассказа вырисовывается объективно значимый вариант ответа на вопрос, как российская филология могла не только выжить в этих условиях, но и добиваться всё новых достижений, оставаться в авангарде мирового научно-гуманитарного сообщества.

Этот ответ – не в героических подвигах отдельных борцов-титанов, а в полной ежедневного упорства тяге нормальной человеческой личности к красоте и истине. При ошибках и отступлениях, временных компромиссах и естественных уступках трепетного мозга и хрупких нервов живых людей давлению железного механизма «насилия», тем не менее, органическая устремленность к высотам духа свойственна самой *природе человека*. Вот мы и вернулись «на новом витке спирали» к пророческим мыслям Герцена, к основам его *реалистического* (что документально подтверждает и Каталог нашей серии) мировидения, обращенного в будущее.

Полувековая история *Литературных памятников*, доверчиво и самокритично представленная читателю *Аннотированного каталога* – в своих достижениях и неудачах, недочетах и частью не осуществленных пока планах – также безбоязненно открыта в будущее. Весь текст *Каталога*, от вступительной статьи и основного корпуса описаний книг до системы указателей в «Приложениях», нацелен на то, чтобы сделать удобообозримым, прозрачным для читателя объём, значимость изданного в серии по разным разделам мировой литературы – и явные лакуны, вызывающие к скорейшему заполнению.

В разделе русской классики к таким лакунам-нонсенсам относится, к примеру, отсутствие текстов Герцена (надеюсь, уже ненадолго! – недаром его имя и мысли о животворящих потенциях культуры стали лейтмотивом настоящей рецензии, – очевидно, здесь налицо и подсознательный умысел магически воздействовать на ускорение действий редколлегии).

Нет нужды доказывать, что *Былое и думы* или *С того берега* – принадлежат к вершинам мировой интеллектуальной прозы, притом в столь актуальных и всё более продуктивных ее жанрах, как мемуарные и лирико-диалогические. К тому же, издание того или другого из этих произведений в серии явно отвечает и строжайшим критериям необходимости исследовательских новаций по сравнению с прежними изданиями.

Еще до завершения академического изд. сочинений Герцена дополнительная проработка автографов, относящихся к ч. VII мемуаров, привела к некоторым поправкам в составе, тексте её глав и к уточнению их творческой истории⁴. Но главные, решающие события, способные приблизить читателя к подлинному тексту *Былого и дум*, связаны с тем, что вторая половина ч. V, повествующая о семейной драме Герцена и печатавшаяся по спискам, сравнительно недавно стала доступна российским исследователям в оригинале, хранящемся в Международном институте социальной истории (Амстердам). Прочитанные И. Г. Птушкиной по фотоконии с автографа, эти «самые волнующие страницы герценовского шедевра», вместе со сводом вариантов и ее статьей о стадиях работы автора над рукописью, опубликованы уже в *Литературном наследстве*⁵. Есть все основания полагать, что издание *Былого и дум* в серии *Литературных памятников* закрепит новый знаменательный этап в научном и читательском постижении мемуарной эпопеи Герцена.

Для углубления аналитического взгляда на книгу *С того берега* благоприятны иного рода факты последних лет: вновь опубликованные эпистолярные документы немецких современников Герцена, найденные в переписке и демократической периодике Германии неизвестные прежде отклики на статьи и эссе Герцена, образовавшие первое, немецкое, издание книжки 1850 г., материалы текущей полемики с ними – и движение мысли автора (наряду с окончательной кристаллизацией жанра) – на пути ко второму, русскому изданию 1855 г. Мы можем видеть теперь более наглядно, как книга складывалась постепенно в атмосфере трудных реальных споров в среде побежденной европейской демократии, художественно заостряя, философски обобщая позиции участников диалогов. – И возвращалась в жизнь, вызывая новые дискуссии, ведя самого автора к новым жизненным решениям.

Но все-таки хватит о Герцене (так сказать, *pro domo sua*). Думается, не менее безусловно одно из первоочередных мест в планах *Литератур-*

⁴ С. Лищинер. *О датировке и составе «Былого и дум» (Новые материалы)*. – Известия АН СССР. Серия лит. и языка, т. XXIV, 1965, вып. 1, с. 55-62. Уточнения фиксируются в разд. Дополнения, т. XXX акад. изд., с. 764, 766-767.

⁵ См. *Литературное наследство*, т. 99. Москва, Наука, 1997, с. 55-148.

ных памятников должны занять *Философические письма* и *Апология сумасшедшего* Чаадаева. Судя по вступительной статье, в близкие замыслы редколлегии входят и *Евгений Онегин*, и *История одного города*, и произведения Лескова, и пьесы Островского...

Наконец, уходит в историю бурный XX век, уходит хронологически и в специфике своих социальных катаклизмов, духовных поисков, трагических взлетов поэзии. Очевидно, настала пора его академически серьезного освоения в серии *Литературных памятников*. *Чевенгур* или *Котлован* Платонова, проза Пришвина и Зощенко, *Поэма без героя* и *Реквием* Ахматовой, да сколько еще бесценных памятников эпохи в разных жанрах – от лирики Цветаевой и ранних поэм Маяковского до альманаха *Литературная Москва* ждет нас на страницах строгих темнозеленых томов большого и малого формата в ближайшие годы!

Если же расширить горизонты наших «литпамятных мечтаний», то в них немедленно займут свое место философско-ироническая эссеистика Тибора Дери, *Война с саламандрами* Карела Чапека (кстати, ни венгерской, ни чешской классики XIX в., по непонятным причинам, пока также нет в серии!), романы Камю и Гессе, Борхеса и Павича, да и не перечислить всего самого первостепенного, чем одарит читателей серии литература последнего столетия. А в том, что наши надежды не беспочвенны, что коллектив ученых, сплотившийся вокруг *Литературных памятников*, находится в хорошей рабочей форме (вопреки новым сложностям – финансовым, пришедшим на смену цензурным), убеждают и самые последние страницы *Каталога* – страницы объявлений о готовящихся к печати книгах: со времени появления Каталога почти все они уже вышли в свет.

Пожелаем же нашим товарищам здоровья и новых успехов в освоении драгоценных сокровищ человеческого духа.